

Людмила ПРУЖАНСКАЯ
lprouj@gmail.com

МИХАИЛ ШАПИРО: «Я НЕ БЫЛ В ПЕРВЫХ РЯДАХ АВАНГАРДА...»

К 40-летию со дня создания официальной организации советского художественного андерграунда.

Советский андерграунд? Да не оксюморон ли это, вроде «горячего снега», образующий сочетание несочетаемого? Ведь андерграунд, кажется, – всегда в оппозиции. Он, как правило, не разрешен, не одобрен сверху. А если одобрен, то какой же он андерграунд?.. И все же! Именно это событие и произошло 40 лет назад, когда решением московских властей была создана секция живописи при Московском Горкоме художников-графиков.

Мы беседуем с членом этой организации, монреальским художником-живописцем **Михаилом Шапиро**.

– Михаил, как Вы оказались в московской художественной андерграундной среде?

– Этому событию предшествовала моя тогдашняя творческая жизнь. После окончания в 1967 году Ленинградского высшего художественного училища им. В.И. Мухомовой я, новоиспеченный художник-дизайнер, был распределен в Новосибирск. Это было хотя и далекое (сам я по рождению из г. Гомеля), но интересное место. Прежде всего, наличием Новосибирского академгородка, где трудились молодые ученые-физики, с некоторыми из которых я впоследствии подружился. Кстати, именно там была организована первая выставка до этого незаслуженно забытого мастера русского аванграда Павла Николаевича Филонова, а затем и молодых Михаила Шемякина и Эрнста Неизвестного. Сам же я был направлен в Специальное художественно-конструкторское бюро Министерства электротехники, в котором, честно «оттрубил» семь лет. При этом я, в поисках новых форм, увлекался живописью. Мне казалось, что именно в ней я могу выразить себя во всей полноте. В 1974 г. вместе с моим товарищем, художником Борисом Миньковским, мы решили махнуть в Москву.

– Вот так сели и поехали?.. А кто-то вас в Первопрестольной ждал?

– Да по правде, никто. Были у нас кое-какие адреса московских художников, которых либо встречали в Новосибирске, либо знали лично... Поселились у коллекционера и фотографа Евгения Нутовича. Жили и у научного работника Виктора Адлера. Конечно, без особого комфорта, в тесноте, но тогда это не имело большого значения. Главное – столица! И – яркая, интересная художественная среда.

БУЛЬДОЗЕРНАЯ ВЫСТАВКА

– И Вы попали «с корабля на бал»? Я имею в виду «бульдозерную выставку» в Беляево, разгромленную 15 сентября 1974 г.?

Михаил Шапиро.

– Ну, что тут скажешь? Объединились московские художники-неконформисты, противостоявшие официальному мейнстриму, которым был социалистический реализм, захотели выставиться в новом районе – Беляево, но московские власти разрешения не дали.

И все же организаторы акции Александр Глезер и Оскар Рабин решили разместить свои полотна и полотна товарищей – Виталия Комара, Виктора Меламеда, Володи Немухина, Лидии Мастерковой – всего 15 человек – на пустыре под открытым небом, на пересечении Профсоюзной улицы и Островитянова. Но «бал» был недолгим. Появились люди с «лопатами и вилами»: они вышли на субботник, а затем прибыли поливальные машины и бульдозеры. Так и «освободили территорию» на глазах у изумленной публики.

– Но, кажется, это событие не прошло незамеченным? Особенно в западной прессе его подробно освещали...

– Совершенно верно. Шум был. Поэтому, проанализировав ситуацию, двумя неделями спустя московские власти разрешили организовать выставку авангардистов в Измайлово. В ней уже приняли участие 40 художников, а желающих посмотреть, наверное, за тысячу

перевалило. За ней в январе 1975 г. последовала выставка в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ. И опять – фурор!

– Запретный плод сладок – это всем известно. Как Вам кажется, помимо табуированности и связанной с ней сенсационности были ли там произведения, действительно заслуживающие высокой художественной оценки?

– Конечно, это прежде всего работы Оскара Рабина, Володи Немухина, Владимира Янкелевского, Ильи Кабакова, Вячеслава Калинина и Эдуарда Штейнберга. Их отличало не только стилистическое своеобразие, но и высокий профессионализм. После того, как по Москве прокатилась волна «квартирных выставок», на которые приходили представители творческой интеллигенции, а также иностранные журналисты и дипломаты, власти приняли решение собрать художников-авангардистов под крышей Горкома графиков. Чтобы, как говорится, упорядочить процесс. Переписали, выдали всем удостоверения.

– И у вас такое было?

– Да! До сих пор сохранилось.

– А вы добровольно вступили?

– Конечно! Я был этому очень рад. Ведь членство в секции живописи легализовывало и защищало от риска попасть под статью о тунеядстве: до этого большинство художников-авангардистов нигде не числилось. Богема!

– Были ли какие-то льготы для членов секции: может быть, краски со скидкой, холсты?..

– Нет, это можно было получить только будучи членом Союза художников. Но вступить туда было крайне сложно. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что некоторых, а может быть, лучших из нас, туда потом приняли.

Перед открытием одной из выставок на Малой Грузинской, 28. 1979 г.

Очередь на выставку.

Пригласительный билет на персональную выставку.

МАЛАЯ ГРУЗИНСКАЯ, 28

– Я очень хорошо помню то время и место. Заповедный адрес: Малая Грузинская, 28. Все знали, что в этом новом многоэтажном доме из розового кирпича проживали знаменитости. Первым был, конечно, Владимир Высоцкий, за ним шли драматург Михаил Шатров и кинорежиссер Александр Митта, другие творческие люди.

Живя неподалеку, мы с близкими не пропускали ни одной выставки, устраиваемой в трех небольших залах, расположенных в подвале, которые занимал Горком графиков. Очередь туда, как правило, тянулась вдоль всей улицы, на которой располагался Римско-католический кафедральный собор, а с другой стороны – общежитие Московской консерватории (летом из распахнутых окон доносились звуки музыкальных инструментов), и уходила аж до Красной Пресни. Художники нонконформисты с Малой Грузинской были окружены обожанием: «все они красавцы, все они поэты, все они таланты!»

– Там действительно собирался интересный народ.

– А Высоцкий к вам вниз не спускался?

– Я лично встретил его там один раз. Он пришел со своим другом, артистом Севою Абдуловым. Держался Высоцкий скромно, что называется «не звездил».

– Существует свидетельство А. Утевского, друга Высоцкого и соседа по Большому Каретному. В книге «Возвращение на Большой Каретный» он вспоминал: «Многое из увиденного не принимал и Володя, но никогда не отрицал возможности существования таких работ. «Раз они существуют, значит, кому-то нужны. Если мы не понимаем замысла ху-

Удостоверение.

дожника, не чувствуем его мысли, так это наша вина, а не мастера».

В общем, он вполне мог такое сказать. Высоцкий уважал людей, был человеком деликатным. Кстати, уж с кем он и был по-настоящему близок из художников, так это с Михаилом Шемякиным. Выставлялись ли на Малой Грузинской его полотна?

– Нет, Шемякин с 1971 уже жил в эмиграции.

– А кто из художников был в звездах?

– Дмитрий Плавинский, Олег Целков, Эдик Штейнберг (мой сосед по мастерской), Слава Калинин, Отари Кандауров.

– Какие отношения характеризовали тогда Вашу среду?

– Знаете, несмотря на то, что каждый, возможно, считал себя уникальным (так во многом и было), отношения наши были очень теплыми. Нас объединяло истинное братство, дух товарищества, взаимопомощи.

– А Ваше место в той среде было каково?

– Сам я не был в первых рядах авангарда. Все же в моей живописи, особенно портретной, присутствовал реалистический компонент.

– Но Ваши друзья-нонконформисты Вас в этом не упрекали?

– Конечно, нет. Все стили были возможны, поощрялась свобода и возможность самовыражения.

– Как у Окуджавы: «Каждый пишет, как он дышит. Как он дышит, так и слышит. Не стараясь угодить...»

– Именно! Да, так вот, в 1981 г. руководство Горкома устроило мою персональную выставку. А годом раньше я написал портрет знаменитого советского физика Михаила Леонтовича и показал его на осенней групповой выставке. Портрет Леонтовича был очень хорошо принят и публикой, и художниками. А за ним последовали портреты академиков

Евгения Тамма, Абрама Иоффе, великой балерины Майи Плисецкой, олимпийской чемпионки Ирины Родниной.

– О, это выдающиеся люди! Значит, Ваша профессиональная жизнь складывалась удачно?

– Да, у меня даже появилась своя мастерская на Щелковской. Помогла актриса Альбина Матвеева, муж которой занимал высокий пост в райкоме партии Первомайского района.

– Интересно! На официальном уровне андерграунд вроде бы тормовали, а на личном – симпатизировали и даже могли реально помочь.

– Да, так получалось.

ГОРКОМ ЗАКРЫТ. ВСЕ УШЛИ...

– Ну, а когда «перестройку встретили с рассветом», как складывалась судьба Горкома?

– К 1988 г. все стало сходить на нет. Многие из активистов, уже к тому времени признанных на Западе, эмигрировали, а те, что остались, ушли в частные галереи. Первой стала галерея М'Арс. Продавать картины «из-под полы» уже надобности не было.

– И Горком закрыли?

– Потребность в нем постепенно стала отпадать.

– А с Вами что стало?

– В 1990 г. уехал в Канаду. Вот уже более четверти века прошло. И постоянно старюсь работать.

– Но то время вспоминаете?

– Еще бы! Это был лучший период моей жизни! Самый интересный, насыщенный, яркий! И вот ведь парадокс: с одной стороны, ту эпоху назвали «застоем», а с другой – в ней был такой духовный и человеческий взлет, который, кажется, до сих пор не повторился... ■■■